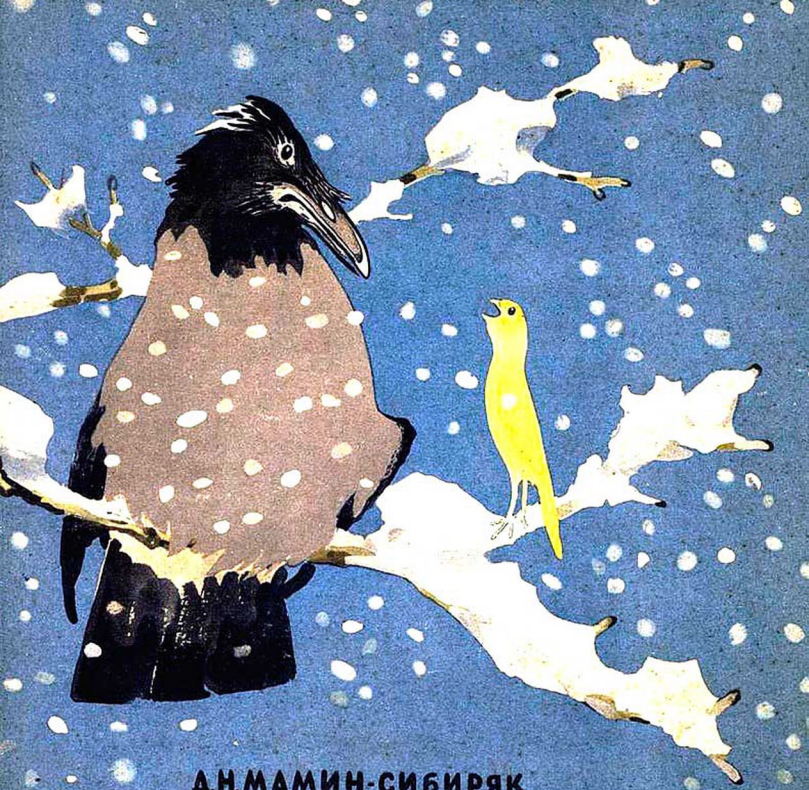


Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

ДЕТГИЗ · 1948

Алёнушкины сказки

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Аннотация
___. Д. Н. Мамин-Сибиряк. ●. Алёнушкины сказки. ___
___. Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселого трубочиста Яшу. ___
___. Сказка про Комара Комаровича-Длинный Нос и про Мохнатого Мишу-Короткий Хвост. ___
___. Сказка про храброго зайца Длинные Уши-Косые Глаза-Короткий Хвост. ___
___. Сказка про Воронушку-черную головушку и желтую птичку Канарейку. ___

Аннотация

Почти Салтыков-Щедрин. Только для маленьких. Все сказки со смыслом и моралью. Легковесно-весёлыми их никак не назвать. Хорошая детская литература.

Для начальной школы.

Fb2 • CORVUS

Д. Н. Мамин-Сибиряк

●

Алёнушкины сказки

ШКОЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Д.Н.МАМИН-СИБИРЯК

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

рисунки
Е.РАЧЕВА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1948 Ленинград

Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселого трубочиста Яшу

Сказка
про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и веселого трубочиста Яшу

Воробей Воробеич и Ерш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал:

— Эй, брат, здравствуй!.. Как поживаешь?

— Ничего, живем помаленьку, — отвечал Ерш Ершович. — Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах… Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками…

— Спасибо, брат! С удовольствием пошел бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу… Я тебя, брат, ягодами буду угощать — у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

— Какой он?

— Белый такой…

— Как у нас гальки в реке?

— Ну вот. А возьмешь в рот — сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

— Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплывем вместе. Я тебе все покажу…

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду — по колена зайдет, а дальше страшно делается.

Так-то и утонуть можно! Напьется Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит перышки — и опять к себе на крышу.

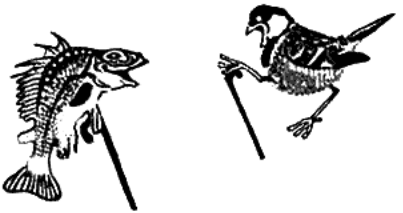
Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

— Как это тебе не надоест в воде сидеть?! — часто удивлялся Воробей Воробеич. — Мокро в воде, еще простудишься…

Ерш Ершович удивлялся в свою очередь:

— Как тебе, брат, не надоест летать?! Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнешься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе сколько хочешь. Небось, летом все ко мне лезут купаться… А на крышу кто к тебе пойдет?

— И еще как ходят, брат!.. У меня есть большой приятель, трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит… И веселый такой трубочист — всё песни поет. Чистит трубы, а сам напевает. Да еще присядет на самый конек отдохнуть, достанет хлебца, закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живем. Я ведь тоже люблю повеселиться…



У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима. Как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Нахохлится Воробей Воробеич, подберет под себя ноги, да и сидит. Одно только спасенье — забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу — трубочисту. Пришел трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом — чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

— Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь этак можно и до смерти убить…

— А я почем же знал, что ты в трубе сидишь? А будь вперед осторожнее… Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул — разве это хорошо?

Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось не сладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробеич. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

— Эй, Ерш Ершович, жив ли ты?

— Жив… — сонным голосом откликается Ерш Ершович. — Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

— И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть… Ух, какой злой ветер бывает!.. Тут, брат, не заснешь… Я все на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: «Посмотрите, какой весёленький воробышек!» Ах, только бы дождаться тепла! Да ты уж опять, брат, спишь?

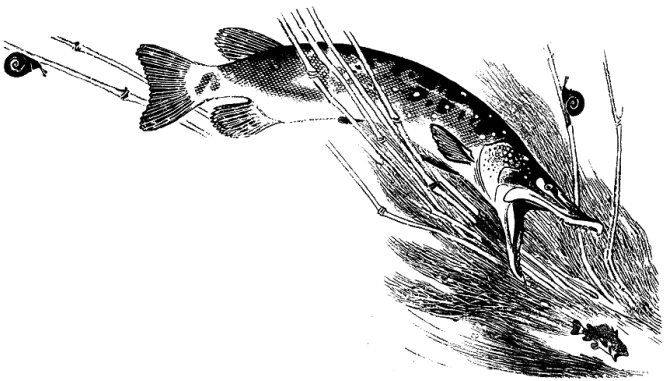
А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьем Воробеичем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

— Ох, едва жив ушел! — жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух. — Вот разбойник-то!.. Чуть-чуть не сцапал, а там бы поминай, как звали.

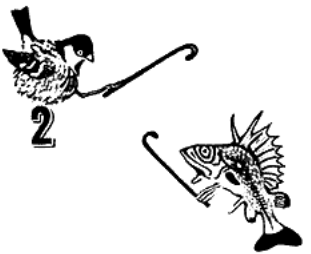
— Это вроде нашей щуки, — утешал Ерш Ер-

шович. — Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния. А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной… Для чего только эти щуки водится? Удивляюсь и не могу понять…

— И я тоже… Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука — ястребом. Одним словом — разбойники.



2



Да, так жили да поживали Воробей Воробеич и Ерш Ершович, зябли по зимам, радовались летом, а веселый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого свое дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошел к речке смыть с себя сажу. Идет да посвистывает, а тут слышит — страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются:, и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут — ничего не разберешь.

— Эй вы, что случилось? — крикнул трубочист.

— А вот случилось... — чиликнула бойкая синичка. — Так смешно, так смешно!.. Посмотри,

что наш Воробей Воробеич делает… Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошел к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все перышки стоят дыбом.

— Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? — спросил трубочист.

— Нет, я ему покажу! — орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости. — Он еще не знает, каков я. Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник…

— Не слушай его! — крикнул трубочисту из воды Ерш Ершович. — Все-то он врет.

— Я вру? — орал Воробей Воробеич. — А кто червяка нашел? Я вру!.. Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал… Сколько трудился… Ну, схватил его и тащу домой, в свое гнездо. У меня семейство… должен я корм носить… Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ерш Ершович — чтобы его щука проглотила! — как крикнет: «Ястреб!» Я со страху крикнул, червяк упал в воду, а Ерш Ершович его и прогло-

тил… Это называется врать?! И ястреба никакого не было…

— Что же, я пошутил, — оправдывался Ерш Ершович. — А червяк действительно был вкусный.

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки, — слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ерш Ершович над старым приятелем! И еще смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

— Подавись ты моим червяком! — бранился Воробей Воробеич. — Я другого себе выкопаю… А обидно то, что Ерш Ершович обманул меня и надо мной же еще смеется. А я его к себе на крышу звал… Хорош приятель, нечего сказать! Вот и трубочист Яша то же скажет… Мы с ним тоже дружно живем и даже вместе закусываем иногда: он ест — я крошки подбираю.

— Постойте, братцы, это самое дело нужно рассудить, — заявил трубочист. — Дайте только мне сначала умыться. Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся…

— Мое дело правое, что же мне беспокоиться! — орал Воробей Воробеич. — А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутки шутить…

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок с своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

— Ну, братцы, теперь будем суд судить. Ты, Ерш Ершович, — рыба, а ты, Воробей Воробеич, — птица. Так я говорю?

— Так! Так!.. — закричали все: и птицы и рыбы.

— Будем говорить дальше. Рыба должна жить в воде, а птица в воздухе. Так я говорю? Ну, вот… А червяк, например, живет в земле.

Хорошо. Теперь смотрите…

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял весь его обед, и проговорил:

— Вот смотрите: что это такое? Это хлеб. Я его заработал, и я его съем; съем и водицей запью. Так! Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хотят пообедать… У вас, значит, своя пища. Зачем же ссориться? Воробей Воробеич откопал червячка, значит он его заработал, и, значит, червяк его…

— Позвольте, дяденька… — послышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперед бекасика-песочника, который подошел к самому

трубочисту на своих тоненьких ножках.

— Дяденька, это неправда.

— Что неправда?

— Да червячка-то ведь я нашел. Вон спросите уток — они видели. Я его нашел, а воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

— Как же это так!.. — бормотал он, собираясь с мыслями. — Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

— Это не я вру, а бекас врет. Он сговорился вме-

сте с утками…

— Что-то не тово, брат… гм… да! Конечно, червячок — пустяки, а только вот нехорошо красть. А кто украл, тот должен врать… Так я говорю? Да…

— Верно! Верно! — хором крикнули опять все. — А ты все-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьем Воробеичем! Кто у них прав?.. Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

— Кто прав? Ах, вы, озорники, Ерш Ершович и Воробей Воробеич! Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера… Ну, живо миритесь, сейчас же!

— Верно! — крикнули все хором. — Пусть помирятся…

— А бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками, — решил трубочист. — Все и будут довольны…

— Отлично! — опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет.

Пока трубочист рассуждал; Воробей Воробеич успел его стащить.

— Ах, разбойник! Ах, плут! — возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за вором. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко

улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы.

Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку, а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за нее рыбы. Началась настоящая драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка была съедена, все опомнились, и всем сделалось совестно. Гнались

за вором-воробьем, да по пути краденую краюшку и съели.

А веселый трубочист Яша сидит на бережку, смотрит и смеется. Уж очень смешно все вышло… Все убежали от него, остался один только бекасик-песочник.

— А ты что же не летишь за всеми? — спросил трубочист.

— И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют…

— Ну, вот так-то лучше будет, бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало еще поработали…

Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать веселого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

— Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички! А я бы разделила все — и червячка и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я разделила четыре яблока… Папа приносит четыре яблока и говорит: «Раздели пополам мне и Лизе». Я и разделила на три части: одно яблоко дала папе, другое — Лизе, а два взяла себе.

Сказка про Комара Комаровича-Длинный Нос и про Мохнатого Мишу-Короткий Хвост

Сказка про Комара Комаровича-Длинный Нос и про Мохнатого Мишу-Короткий Хвост

1

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Ко-

марович-Длинный Нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ой, батюшки!.. Ой, караул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

— Что случилось? Что вы орете?

А комары летают, жужжат, пищат — ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки! Пришел в наше болото медведь и завалился спать. Как лег в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; как дохнул — проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил…

Комар Комарович-Длинный Нос сразу рассердился, рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали бестолку.

— Эй вы, перестаньте пищать! — крикнул он. — Вот я сейчас пойду и прогоню медведя… Очень просто! А вы орете только напрасно.

Еще сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили испокон века, развалился и носом сопит, только свист идет, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь! Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да еще спит

так сладко!

— Эй, дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз — едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться: «Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит».

— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю… Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

2

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на все болото:

— Ловко я напугал Мохнатого Мишку… В другой раз не придет.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну, а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы. Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдет. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: «Съем». Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю… Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили — как им быть с невежей медведем. Никогда еще в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали и решили выгнать мед-

ведя из болота.

— Пусть идет к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше… Еще отцы и деды наши вот еще в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится, сам уйдет; но на нее все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идем, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович. — Мы ему покажем… Да!

Полетели комары за Комаром Комаровичем. Летят и пищат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! — хвастался Комар Комарович. — Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище.

— Да он спит, братцы! — пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. — Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит, как ни в чем не бывало…

А Мохнатый Миша спит себе да носом посви-

стывает.

— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. — Вот я ему сейчас покажу… Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьется своим длинным носом прямо в черный медвежий нос, Миша так и вскочил. Хвать лапой по носу, а Комара Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович. — Уходи, а то хуже будет… Я теперь не один Комар Комарович-Длинный Нос, а прилетели со мной и дедушка — Комарище-Длинный Носище, и младший брат — Комаришка-Длинный Носишко! Уходи, дядя!

— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. — Я вас всех передавлю!

— Ой, дядя, напрасно хвастаешь…

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

— Я тебя съем, дядя…

3

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую березу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, всё вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжелый камень и запустил им в

комаров, — опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович. — А я тебя все-таки съем…

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рев. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил! Все ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича: ведь вот тут, над самым ухом, вьётся, а хватит медведь лапой — и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку — давай кататься по траве, чтобы передавить все комариное царство. Катался, катался Миша, однако из этого ничего не вышло, а только еще больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох — вышло того хуже.

Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Постойте, вот я вам задам! — ревел он так, что за пять верст было слышно. — Я вам покажу штуку… Я… я… я…

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся, да как сорвется с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

— Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?

Еще тоньше засмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

— Я тебя съем… Я тебя съем… съем… съем!

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

— Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно!.. Не обращайте вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

— И то не стоит, — обрадовался медведь. — Я это так… Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я… я…

Как повернется Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович-Длинный Нос летит за ним, летит и кричит:

— Ой, братцы, держите! Убежит медведь… Держите!

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит — ведь болото-то осталось за нами!»

Сказка про храброго зайца Длинные Уши-Косые Глаза-Короткий Хвост

Сказка про храброго зайца Длинные Уши– Косые Глаза– Короткий Хвост

Родился зайчик в лесу и всего боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнет птица, упадет с дерева ком снега — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год, а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес. — Вот не боюсь нисколько, и все тут.

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи — все слушают, как хвастается заяц Длинные Уши-Косые Глаза-Короткий Хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят. Не было еще, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй, ты, Косой Глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь.

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки-зайчихи,

улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц! Ах, какой смешной!.. И всем вдруг сделалось весело.

Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабрившийся окончательно заяц. — Ежели мне попадется волк, так я его сам съем…

— Ах, какой смешной заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут.

Ходил он, ходил по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого волка, поминают.

Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошел волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвастун-заяц Косые Глаза-Длинные Уши-Короткий Хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» подумал

серый волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью.

А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего.

Кончилось тем, что хвастун-заяц взобрался на пенек, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я… я…

Я…

Тут язык у хвастуна точно примерз. Заяц увидел глядевшего на него волка.

Другие не видели, а он видел и не смел дохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страху упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем покатился по волчьей спине, перевернулся еще раз в воздухе и потом задал такого

стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему все казалось, что волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А волк в это время бежал в другую сторону.

Когда заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а это был какой-то бешеный.

Долго не могли притти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенек, кто завалился в яму.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

— А ловко напугал волка наш заяц! — решили все. — Если бы не он, так не уйти бы нам живыми. Да где же он, наш бесстрашный заяц?

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, Косой! — закричали все зайцы в

один голос. — Ай да Косой!.. Ловко ты напугал старого волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы бы как думали! Эх вы, трусы!..

С этого дня храбрый заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Сказка про Воронушку-черную головушку и желтую птичку Канарейку

Сказка
про Воронушку-черную головушку и желтую птичку Канарейку

Сидит Ворона на березе и хлопает носом по сучку: хлоп-хлоп. Вычистила нос, оглянулась кругом да как каркнет:

— Карр… Карр!..

Дремавший на заборе кот Васька чуть не свалился со страху и начал ворчать:

— Эк тебя взяло, черная голова! Даст же бог такое горлышко!.. Чему обрадовалась-то?

— Отстань! Некогда мне, разве не видишь? Ах, как некогда!.. Карр-карр-карр!.. И все-то дела да дела.

— Умаялась, бедная! — засмеялся Васька.

— Молчи, лежебок! Ты вот все бока пролежал, только и знаешь, что на солнышке греться, а я-то с утра покоя не знаю: на десяти крышах посидела, полгорода облетела, все уголки и закоулки осмотрела. А еще вот надо на колокольню слетать, на рынке побывать, в огородах покопать... Да что я с тобой даром время теряю — некогда мне. Ах, как некогда!

Хлопнула Ворона в последний раз носом по сучку, встрепенулась и только что хотела вспорхнуть, как услышала страшный крик. Неслась стая воробьев, а впереди летела какая-то маленькая желтенькая птичка.

— Братцы, держите ее! Ой, держите! — пищали воробьи.

— Что такое? Куда? — крикнула Ворона, бросаясь за воробьями.

Взмахнула Ворона крыльями раз десяток и догнала воробьиную стаю. Желтенькая птичка выбилась из последних сил и бросилась в маленький садик, где росли кусты сирени, смородины и черемухи. Она хотела спрятаться от гнавшихся

за ней воробьев.

Забилась желтенькая птичка под куст, а Ворона — тут как тут.

— Ты кто такая будешь? — каркнула она.

Воробьи так и обсыпали куст, точно кто бросил горсть гороха.

Они озлились на желтенькую птичку и хотели ее заклевать.

— За что вы ее обижаете? — спрашивала Ворона.

— А зачем она желтая? — запищали разом все воробьи.

Ворона посмотрела на желтенькую птичку: действительно, вся желтая, — мотнула головой и проговорила:

— Ах вы озорники!.. Ведь это совсем не птица!..

Разве такие птицы бывают? А впрочем, убирайтесь-ка… Мне надо поговорить с этим чудом. Она только притворяется птицей.

Воробьи запищали, затрещали, озлились еще больше, а делать нечего — надо убираться. Разговоры с Вороной коротки: так хватит носищем, что и дух вон.

Разогнав воробьев, Ворона начала допытывать желтенькую птичку, которая тяжело дышала и так жалобно смотрела своими черными глаз-

ками.

— Кто ты такая будешь? — спрашивала Ворона.

— Я Канарейка…

— Смотри не обманывай, а то плохо будет. Кабы не я, так воробьи заклевали бы тебя…

— Право, я — Канарейка.

— Откуда ты взялась?

— А я жила в клетке… В клетке и родилась, и выросла, и жила. Мне все хотелось полетать, как другие птицы. Клетка стояла на окне, и я все смотрела на других птичек… Так им весело было, а в клетке так тесно. Ну, девочка Алёнушка принесла чашечку с водой, отворила дверку, а я и вырвалась. Летала, летала по комнате, а потом в форточку и вылетела.

— Что же ты делала в клетке?

— Я хорошо пою.

— Ну-ка, спой.

Канарейка спела. Ворона наклонила голову набок и удивилась:

— Ты это называешь пением? Ха-ха!.. Глупые же были твои хозяева, если кормили за такое пение. Если бы уж кого кормить, так настоящую птицу, как, например, меня. Давеча каркнула, так плут Васька чуть с забора не свалился. Вот это пение!..

— Я знаю Ваську… Самый страшный зверь. Он сколько раз подбирался к нашей клетке. Глаза зеленые, так и горят, выпустит когти…

— Ну, кому страшен, а кому и нет. Плут он большой, это верно, а страшного ничего нет. Ну, да об этом поговорим потом… А мне все-таки не верится, что ты настоящая птица.

— Право, тетенька, я птица, совсем птица. Все канарейки — птицы…

— Хорошо, хорошо, увидим… А вот как ты жить будешь?

— Мне немного нужно: несколько зернышек, сахару кусочек, сухарик — вот и сыта.

— Ишь, какая барыня! Ну, без сахару еще обойдешься, а зернышек как-нибудь добудешь. Вообще, ты мне нравишься. Хочешь жить вместе? У меня на березе — отличное гнездо.

— Благодарю. Только вот воробьи…

— Будешь со мной жить, так никто не посмеет пальцем тронуть. Не то что воробьи, а и плут Васька знает хорошо мой характер. Я не люблю шутить…

Канарейка сразу ободрилась и полетела вместе с Вороной.

Что же, гнездо отличное, если бы еще сухарик да сахару кусочек.

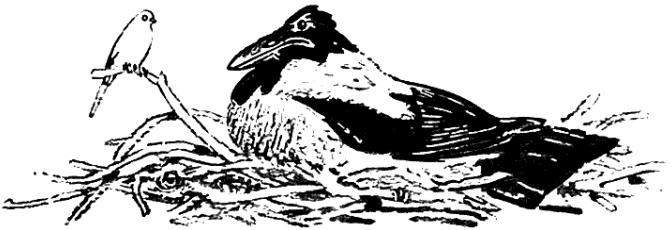
☆

Стала Ворона с Канарейкой жить да поживать в одном гнезде. Ворона хоть и любила иногда поворчать, но была птица не злая. Главным недостатком в ее характере было то, что она всем завидовала, а себя считала обиженной.

— Ну чем лучше меня глупые куры? А их кормят, за ними ухаживают, их берегут, — жаловалась она Канарейке. — Тоже вот взять голубей — какой от них толк? А нет-нет, и бросят им горсточку овса. Тоже глупая птица… А чуть я подлечу, меня сейчас же все и начинают гнать в три шеи. Разве это справедливо? Да еще бранят вдогонку: «Эх ты, ворона!..» А ты заметила, что я получше других буду, да и покрасивее?.. Положим, про себя этого не приходится говорить, а заставляют сами. Не правда ли?

Канарейка соглашалась со всем.

— Да, ты большая птица…



— Вот то-то и есть. Держат же попугаев в клетках, ухаживают за ними, а чем попугай лучше меня?.. Так, самая глупая птица. Только и знает, что орать да бормотать, а никто понять не может, о чем бормочет. Не правда ли?

— Да, у нас тоже был попугай и страшно всем надоедал.

— Да мало ли других птиц наберется, которые и живут неизвестно зачем!.. Скворцы, например, прилетят, как сумасшедшие, неизвестно откуда, поживут лето и опять улетят. Ласточки тоже, синицы, соловьи — мало ли какой дряни наберется! Ни одной вообще серьезной, настоящей птицы... Чуть холодком пахнёт — все и давай удирать

куда глаза глядят.

В сущности, Ворона и Канарейка не понимали друг друга, Канарейка не понимала этой жизни на воле, а Ворона не понимала жизни в неволе.

— Неужели вам, тетенька, никто зернышка никогда не бросил? — удивлялась Канарейка. — Ну, одного зернышка?

— Какая ты глупая… Какие тут зернышки? Только и смотри, как бы палкой кто не убил или камнем. Люди очень злы.

С последним Канарейка никак не могла согласиться, потому что ее люди кормили. Может быть, это Вороне так кажется… Впрочем, Канарейке скоро самой пришлось убедиться в людской злости.

Раз Ворона сидела на заборе, как вдруг над самой головой просвистел тяжелый камень. Шли по улице школьники, увидали на заборе Ворону — как же не запустить в нее камнем?

— Ну что, теперь видела? — спрашивала Ворона, забравшись на крышу. — Все они такие, то есть люди.

— Может быть, вы чем-нибудь досадили им, тетенька?

— Решительно ничем. Просто так злятся. Они меня все ненавидят.

Канарейке сделалось жаль бедную Ворону,

которую никто-никто не любил. Ведь так и жить нельзя.

Врагов вообще было достаточно. Например, кот Васька… Какими масляными глазами он поглядывал на всех птичек, притворялся спящим, и Канарейка видела собственными глазами, как он схватил маленького неопытного воробышка, — только косточки захрустели, а перышки полетели…

Ух, страшно! Потом ястреба — тоже хороши: плавает в воздухе, а потом камнем и падает на какую-нибудь неосторожную птичку. Канарейка тоже видела, как ястреб тащил цыпленка. Впро-

чем, Ворона не боялась ни кошек, ни ястребов и даже сама была не прочь полакомиться маленькой птичкой. Сначала Канарейка этому не верила, пока не убедилась собственными глазами. Раз она увидела, как воробьи целой стаей гнались за Вороной. Летят, пищат, трещат… Канарейка страшно испугалась и спряталась в гнезде.

— Отдай, отдай! — неистово пищали воробьи, летая над вороньим гнездом. — Что же это такое? Это разбой!

Ворона шмыгнула в свое гнездо, и Канарейка с ужасом увидела, что она принесла в когтях мертвого, окровавленного воробышка.

— Тетенька, что вы делаете?

— Молчи! — прошипела Ворона.

У нее глаза были страшные, так и светятся… Канарейка закрыла глаза от страха, чтобы не видеть, как Ворона будет рвать несчастного воробышка. «Ведь так она и меня когда-нибудь съест», думала Канарейка.

Но Ворона, закусив, делалась каждый раз добрее. Вычистит нос, усядется поудобнее куда-нибудь на сук и сладко дремлет. Вообще, как заметила Канарейка, тетенька была страшно прожорлива и не брезговала ничем. То корочку хлеба тащит, то кусочек гнилого мяса, то какие-то объедки, которые разыскивала на помойных ямах. Последнее было любимым занятием Вороны, и Канарейка никак не могла понять, что за удовольствие копаться в помойной яме. Впрочем, и обвинять Ворону было трудно: она съедала каждый день столько, сколько не съели бы двадцать канареек. И вся забота у Вороны была только об еде… Усядется куда-нибудь на крышу и высматривает.

Когда Вороне было лень самой отыскивать пищу, она пускалась на хитрости. Увидит, что воробьи что-нибудь теребят, сейчас и бросится. Будто летит мимо, а сама орет во все горло:

— Ах, некогда мне… Совсем некогда!..

Подлетит, сцапает добычу, и была такова.

— Ведь это нехорошо, тетенька, отнимать у других, — заметила однажды возмущенная Канарейка.

— Нехорошо? А если я постоянно есть хочу?

— И другие тоже хотят…

— Ну, другие сами о себе позаботятся. Это ведь вас, неженок, по клеткам всех кормят, а мы все

сами должны добывать себе. Да и так, много ли тебе или воробью нужно?.. Поклевала зернышек и сыта на целый день.

Лето промелькнуло незаметно. Солнце сделалось точно холоднее, а день — короче. Начались дожди, подул холодный ветер. Канарейка чувствовала себя самой несчастной птицей, особенно когда шел дождь. А Ворона точно ничего не замечала.

— Что ж из того, что идет дождь? — удивлялась она. — Идет-идет и перестанет.

— Да ведь холодно, тетенька! Ах, как холодно!..

Особенно скверно бывало по ночам. Мокрая Канарейка вся дрожала, а Ворона еще сердится.

— Вот неженка! То ли еще будет, когда ударит холод и пойдет снег.

Вороне делалось даже обидно. Какая же это птица, если и дождя, и ветра, и холода боится? Ведь так и жить нельзя на белом свете. Она опять стала сомневаться, что уж птица ли эта Канарейка. Наверно, только притворяется птицей…

— Право, я самая настоящая птица, тетенька, — уверяла Канарейка со слезами на глазах. — Только мне бывает холодно…

— То-то, смотри! А мне все кажется, что ты только притворяешься птицей.

— Нет, право, не притворяюсь.

Иногда Канарейка крепко задумывалась о своей судьбе. Пожалуй, лучше было бы оставаться в клетке… Там и тепло и сытно. Она даже несколько раз подлетала к тому окну, на котором стояла родная клетка. Там уже сидели две новых канарейки и завидовали ей.

— Ах, как холодно! — жалобно пищала зябнувшая Канарейка. — Пустите меня домой.

Раз утром, когда Канарейка выглянула из вороньего гнезда, ее поразила унылая картина: земля за ночь покрылась первым снегом, точно саваном. Все было кругом белое. А главное — снег покрыл все те зернышки, которыми питалась Канарейка. Оставалась рябина, но она не могла есть эту кислую ягоду. Ворона — та сидит, клюет

рябину да похваливает:

— Ах, хорошая ягода!

Поголодав два дня, Канарейка пришла в отчаяние. Что же дальше-то будет? Этак можно и с голоду умереть.

Сидит Канарейка и горюет. А тут видит — прибежали в сад те самые школьники, которые бросали в Ворону камнем, разостлали на земле сетку, посыпали вкусного льняного семени и убежали.

— Да они совсем не злые, эти мальчики, — обрадовалась Канарейка, поглядывая на раскинутую сеть. — Тетенька, мальчики мне корму принесли!

— Хорош корм, нечего сказать! — заворчала Ворона. — Ты и не думай совать нос… Слышишь? Как только начнешь клевать зернышки, так и попадешь в сетку.

— А потом что будет?

— А потом опять в клетку посадят.

Взяло раздумье Канарейку — и поесть хочется и в клетку не хочется. Конечно, и холодно и голодно, а все-таки на воле жить куда лучше, особенно когда не идет дождь.

Несколько дней крепилась Канарейка, но голод — не тетка, соблазнилась она приманкой и

попалась в сетку.

— Батюшки, караул!.. — жалобно пищала она. — Никогда больше не буду… Лучше с голоду умереть, чем опять попасть в клетку!

Канарейке теперь казалось, что нет ничего лучше на свете, как воронье гнездо. Ну да, конечно, бывало и холодно и голодно, а все-таки — полная воля. Куда захотела, туда и полетела… Она даже заплакала. Вот придут мальчики и посадят ее опять в Клетку…

На ее счастье, летела мимо Ворона и увидела, что дело плохо.

— Ах ты глупая! — ворчала она. — Ведь я тебе говорила, что не трогай приманки.

— Тетенька, не буду больше…

Ворона прилетела вовремя. Мальчишки уже бежали, чтобы захватить добычу, но Ворона успела разорвать тонкую сетку, и Канарейка опять очутилась на свободе.

Мальчишки долго гонялись за проклятой Вороной, бросали в нее палками и камнями и бранили.

— Ах, как хорошо! — радовалась Канарейка, очутившись опять в своем гнезде.

— То-то, хорошо. Смотри у меня! — ворчала Ворона.

Зажила опять Канарейка в вороньем гнезде и больше не жаловалась ни на холод, ни на голод.

Раз Ворона улетела на добычу, заночевала в поле, а вернулась домой — лежит Канарейка в гнезде ножками вверх.

Сделала Ворона голову набок, посмотрела и сказала:

— Ну, ведь говорила я, что это не птица!

